

— Значит, чтобы стать богом или святым, нужно обязательно завладеть Семью священными артефактами?

— Эх, — старик издал долгий, бесконечно долгий вздох. — Шао цзюньхоу, ты слишком упряма, слишком любишь лезть на рожон. И ладно бы только это, но ты ведь еще и бессердечна... Я не могу тебе этого сказать.

Значит, это практически невозможно, подумала Цин Гэ. Язык лжи и уста истины несовместимы, Око лжи не может ужиться в Воплощении Справедливости. Неудивительно, что за всю долгую историю цивилизации, сколько существуют книги, появился лишь один Хуалай Оро. Сложно, поистине сложно.

— А если я хочу стать Святым Магом, мне тоже нужны Семь священных артефактов?

— У тебя даже сердца нет, куда уж тебе становиться святой или искать Первоисток.

— Что вы сказали?..

— На пути мага тому, у кого нет сердца, трудно достичь великих высот.

Слова того старика, спустя много лет произнесенные из уст Аллена Брайта, с пугающей точностью донесли до Цин Гэ всю полноту его злобы:

— И что с того, что вы — Воплощение Справедливости! Без сердца великих высот не достичь! Неужели вы думаете, что Справедливость все еще благоволит к такой бессердечной, холодной женщине, как вы?

— Аллен Брайт, закрой рот! — рявкнул Кайсар, но тут же услышал тихий рык Цин Гэ:

— Пусть говорит!

Армия впереди уже заметно отделилась. Кайсар бросил на Цин Гэ и Аллена взгляд, полный предупреждения, а затем, прищпорив коня, поскакал догонять остальных. В конце концов, он был из рода Оро и не собирался из-за личной симпатии к Цин Гэ ввязываться в эту бессмысленную ссору.

Глаза Цин Гэ сияли так, словно в них плясали два призрачных огня. В лучах закатного солнца ее длинные волосы казались еще более завораживающими, переливаясь багряным золотом.

— Аллен Брайт, — произнесла она, — запомни свои сегодняшние слова. И не вздумай потом называть меня холодной, когда ты окажешься на пороге смерти, а я не протяну тебе даже мизинца помощи!

Сказав это, Цин Гэ прищпорила коня и умчалась вперед, оставив позади Аллена Брайта, который от ярости едва не лопался на месте.

Когда речь заходила о Синчэньхай Цинлане, у многих первой реакцией было: О, тот самый

никчемный слабак, у которого жена отобрала власть? А ведь такое красивое лицо было. Второй реакцией было: Бедолага, которого родная дочь отправила на виселицу. Многие шептались, что Цин Гэ так яростно отстаивает абсолютную справедливость именно потому, что совершила этот грех, и теперь, раскаявшись, пытается искупить вину, насаждая справедливость везде, где можно.

Но только небо знало, как обидно было Цин Гэ! Как-никак, он был родной кровью, как-никак, их связывали узы родства. Если бы не тот страшный секрет, который нельзя было открывать чужакам, кто бы по доброй воле отправил собственного отца на виселицу?

Цин Гэ поджала губы и вдруг, без всякого предупреждения, повернувшись к Хуа Сэ, прошептала:

— Если ты когда-нибудь совершишь такое преступление, за которое тебя не похоронят по человечески, я сама отправлю тебя на смерть!

Хуа Сэ, уже было собравшаяся отшутиться, чтобы разрядить обстановку, вдруг застыла. Она увидела, как в уголках глаз Цин Гэ блеснула влага, будто в них разбился хрустальный родник. Кристально чистая слезинка скатилась по щеке, оставив едва заметный след, и исчезла за высоким воротником магической мантии. В лучах заката это выглядело особенно пронзительно — хрупкость, переплетенная с ледяной решимостью.

— Шао цзюньхоу?..

Внезапно Цин Гэ подалась вперед и едва не вывалилась из седла. Хуа Сэ ловко подхватила ее за талию и с ужасом увидела, что та кашляет кровью. Ярко-алые капли упали на белую шерсть лошади, превращаясь в пугающие, темно-ржавые пятна.

В ту же секунду раздался оглушительный звук боевого рога. Тяжелый топот копыт сотряс землю, впереди послышались отчаянные крики о нападении врага, и всполохи огня мгновенно окрасили небо в багровый цвет. Хуа Сэ прижала к себе потерявшую сознание девушку с красными волосами — свою Шао цзюньхоу, свою Цин Гэ. В сердце Хуа Сэ поселилось чувство безграничного одиночества, словно во всем мире им больше не было места.

Не раздумывая, она решила бежать.

— Знаю, очнешься — будешь меня ругать, — пробормотала Хуа Сэ, скатываясь с коня вместе с Цин Гэ.

В следующую секунду в белую лошадь вонзилось с десятков стрел. Хуа Сэхватила из сумки флакон и, не глядя, швырнула его на землю. Клубы густого дыма заполнили пространство.

— Но сейчас главное — выжить!

Она покатила вниз по склону, прижимая к себе бесчувственную Цин Гэ. Свист стрел преследовал их, загоняя в ловушку. Впереди, за густым кустарником, обманчиво ровным,

скрывалась бездонная пропасть.

— А-а-а-а!

Мужчина, возглавлявший погоню, заглянул вниз, но, увидев бескрайнее море облаков и пугающую глубину, тут же отпрянул. Он сделал своим людям знак, означавший смерть, и они поспешно удалились.

В глубокой тьме Цин Гэ видела длинный, бесконечный сон.

От детских лет до юности, от Имперской столицы до Лиду и Императорской академии. Воспоминания нахлынули, вновь беря старые, кровоточащие раны.

Мать в черном гладила ее по голове, говоря, что только на этом месте она чувствует себя в безопасности. Отец, стоя на эшафоте, смотрел на нее взглядом, в котором смешались разочарование и облегчение. Таскэ проходил мимо, насмешливо бросая: Цин Гэ, какая же ты наивная. Отчаянный крик Люйе Хунъин в долгие осенние дни. И еще раньше — Таскэ, безжизненно лежащий в постели, и обжигающий жар его худой руки в ее ладони. Сюзан спрашивала: Шао цзюньхоу, вы ведь не пойдете туда? Люйе Цинлань твердил: Смотри им в глаза.

Я смотрела. Я смотрела в глаза каждому. Почему все эти предательства и боли должны падать на мои плечи? Почему всё, что я любила, к чему стремилась и во что верила, должно было предать меня и принести лишь боль? Почему?

— Шао цзюньхоу, у тебя нет сердца.

В темной пещере Хуа Сэ сплюнула кровь. Ее улыбка, казалось, никогда не сходила с лица, и сейчас она была даже ярче обычного:

— Мерзавцы, как вы посмели...

Цин Гэ с шумом вдохнула воздух и очнулась от кошмара. На мгновение ей показалось, что она все еще в бесконечной ночи. Вокруг царил тьма, холод пробирался под тонкую одежду, и лишь руки, обнимавшие ее, дарили капельку тепла, доказывая, что она все еще жива в этом мире, полном лжи и предательства.

Она неловко заворочалась, отвыкнув от такой близости, и услышала сдавленный стон:

— Больно... Шао цзюньхоу, вы очнулись?

Цин Гэ сощурилась, пытаясь разглядеть в темноте очертания человека перед собой:

— Хуа Сэ? Что случилось?

— Нападение, — черноволосая девушка выдавила из себя жесткую улыбку. Даже находясь на грани, она пыталась успокоить ту, что была у нее на руках — хотя, стоило Цин Гэ прийти в

себя, защита ей уже не требовалась. — Шао цзюньхоу, не бойтесь, мы сбежали. Сейчас мы в безопасности.

— Где ты ранена? Дай посмотрю.

— Я в порядке, нет никаких ран...

— Покажи.

Цин Гэ не терпящим возражений тоном притянула к себе хрупкие плечи Хуа Сэ. Убедившись, что смертельных ранений нет, она провела рукой по боку девушки:

— Задело? Глубоко? Обработала?

— С-с-с... — Хуа Сэ поморщилась от боли. — Просто царапина... Я промыла ее зельем заживления, но не знала, есть ли погоня, и боялась выходить наружу...

Цин Гэ, несмотря на недавнее пробуждение, быстро оценила ситуацию:

— Мы скатились со склона? Мы в пещере?

— Нет... я думала об этом, — голос Хуа Сэ слабел. — Но по пути наткнулась на преследователей и была вынуждена прыгнуть с обрыва. Шао цзюньхоу, простите меня, я чуть не погубила вас.

Цин Гэ вздохнула:

— Не за что просить прощения, ты отлично справилась. Хуа Сэ? Хуа Сэ? — она легонько похлопала девушку по щеке, с тревогой в голосе позвала: — Не спи, если уснешь — не проснешься!

— Так холодно... так холодно.

— Держись.

Цин Гэ, поняв положение, не стала тратить слов попусту. Она помогла Хуа Сэ сесть, прислонив к своему плечу:

— Пока я здесь, ты не умрешь.

Поколебавшись лишь мгновение, она достала с шеи маленький хрустальный флакон, вытряхнула пилюлю размером с полмизинца и, скрепя сердце, отломив ногтем четвертинку:

— Повезло тебе. Это рецепт самого Великого герцога Цин Шу. Открывай рот.

Хуа Сэ сделала горячий выдох. Почти потеряв сознание, она послушно приоткрыла губы, чувствуя, как чья-то рука бесцеремонно впихнула что-то внутрь. В отличие от обычной горечи лекарств, во рту разлился тонкий аромат, и слюна наполнила рот. Сознание, балансировавшее на грани тьмы, стало ускользать, и она услышала голос Цин Гэ:

— Спи. Я буду тебя охранять.

Цин Гэ сидела в темноте, не шевелясь. Спустя долгое время она вздохнула и пробормотала про себя:

— Если бы ты не была обычной девушкой, я бы подумала, что у тебя есть Сердце милосердия, Хуа Сэ... Ах, Хуа Сэ.

Она обнимала девушку, сидя в кромешной тьме пещеры. После долгого молчания Цин Гэ зарылась лицом в мягкие черные волосы Хуа Сэ, думая: Эх, как же сложно. Сложнее некуда. Даже если у тебя есть Сердце милосердия, я не могу просто вырвать его у тебя, как когда-то не смогла причинить вреда обладателю Рук Инь-Ян. Я не могу... мне жаль.

Кто верит мне? Кто любит меня? Любящих мало, ненавидящих — пруд пруди. Желающих мне жизни — по пальцам пересчитать, желающих мне смерти — как рыб в реке. Я не могу отпустить.

Хуа Сэ во сне нахмурилась, но уголки ее губ тронула слабая, блуждающая улыбка, будто ей снился печальный, но безмятежный сон, из которого не хотелось просыпаться.

Цин Гэ щелкнула пальцами, и на кончике ее пальца вспыхнул огонек — простейшее заклинание для обнаружения магической ауры, доступное даже новичку. Цин Гэ усовершенствовала его: пламя сменило цвет на ярко-желтый, что означало отсутствие поблизости магов или крупных живых существ. Цин Гэ выдохнула, согнула указательный палец и постучала по земле. Перед ними вспыхнул костер, оранжево-красные блики заплескали на стенах.

— Спи, я охраняю тебя.

— Глупышка, даже костер развести не можешь... — она вспомнила, как Хуа Сэ, ничего не умея, сидела в темноте со своими склянками, и сердце сжалось от нежности и горечи. Цин Гэ убавила пламя и, поднеся его ближе к лицу Хуа Сэ, повторила: — Я охраняю тебя.

Это было много лет назад.

Синчэньхай Цинлан, завернутый в плотный черный плащ, украдкой выбирался из погреба и столкнулся с нефритово-зелеными глазами Цин Гэ. Она смотрела на своего отца — номинально еще живого — с такой бездонной печалью в глазах.

— Ради наших кровных уз, пощади меня, Цин Цин! — Цинлан бросился к ней, обнимая, его слова были такими искренними, что Цин Гэ на мгновение поверила, будто она — любимая дочь.

Почти поверила.

Долгое время спустя Цин Гэ подняла руки, обнимая отца, с которым никогда не была близка, и хрипло ответила:

— Ради наших кровных уз, я позволю тебе остаться целым после смерти.

Позже, когда Синчэньхуа отправили на виселицу, официальной причиной объявили попытку государственного переворота. Его казнили жена и родная дочь. Но какая правда скрывалась под слоями крови — знали только они трое.

Через несколько часов Хуа Сэ проснулась — лекарство подействовало. Цин Гэ в тот же миг погасила огонь.

— Пойдем, выберемся отсюда.

— Хорошо.

Хуа Сэ попыталась встать, но раненая нога не слушалась. Цин Гэ подхватила ее своими длинными, сильными руками.

— Нам нужно вернуться к своим, разузнать новости. Найдем город или деревню, тебе нужны лекарства.

Они с трудом выбрались из разлома. Цин Гэ щелкнула пальцами, и огонек вспорхнул в воздух:

— Никого? Отлично. Хуа Сэ, отойди назад.

Хуа Сэ, опираясь на скалу, отступила. Цин Гэ раскинула руки, закрыла глаза и запрокинула голову. В этот момент даже Хуа Сэ, лишенная магического дара, почувствовала, как в воздухе зашевелилась стихия огня. Тысячи невидимых огненных потоков поднялись из леса, обдавая жаром, но по мановению руки Цин Гэ замерли и слились воедино. В воздухе возник силуэт гигантской птицы, прозрачное пламя взревело, словно запертый зверь, жаждущий вырваться на свободу.

— Огненный феникс алого пламени! — выкрикнула Цин Гэ последнее заклинание.

На краю скалы эхо подхватило ее голос. Прозрачная птица пронзительно закричала, расправив огромные крылья. В тот же миг их кончики окрасились в багряно-золотой, переходящий в оранжевый и белый. Величественный феникс снова закричал, и Цин Гэ, коснувшись ладонью его головы, вскочила на спину.

— Хватайся за руку! — она протянула руку Хуа Сэ. — Иначе сгоришь!

Хуа Сэ ухватилась за руку Цин Гэ, и та втянула ее на спину птицы.

— Держись за мою талию! — крикнула Цин Гэ, удерживая одной рукой голову феникса, а другой — огонек-детектор.

Огромная птица взмахнула крыльями. Деревья вокруг согнулись под напором ветра, оранжевое пламя вспыхнуло ярче. Феникс взмыл ввысь, словно птица Рух, устремившись к облакам. Хуа Сэ, побледнев, смотрела, как скалы и деревья сливаются в размытое пятно. Повернув голову, она увидела лицо Цин Гэ — бесстрастное, холодное и прекрасное.

— Шао цзюньхоу, вы... вы когда-нибудь чего-нибудь боялись? — прошептала Хуа Сэ, прижимаясь к ее спине.

Цин Гэ, управляя полетом, ответила:

— Я боялась многих вещей. Но теперь — уже ничего.

Через несколько минут они пролетели десятки ли. Цин Гэ, заметив, что огонек-детектор стал оранжевым, замедлила ход и постучала пальцем по голове феникса:

— Возвращайся, сердце, полное милосердия. Все пути ведут к одному источнику.

Феникс опустил голову, его тело начало уменьшаться и бледнеть. Когда до земли оставалось метров десять, птица исчезла. Цин Гэ прыгнула вниз, мягко приземлившись на потоки ветра.

— Тсс, — она прижала ладонь к губам Хуа Сэ. — Вокруг люди, не шуми.

Они приземлились бесшумно. Цин Гэ мастерски владела Техникой ветра.

— Я, кажется, видела город впереди? — спросила Хуа Сэ.

Цин Гэ молча кивнула, изменила тип пламени на детекторе и, щелкнув пальцами, заставила потоки ветра подхватить их, устремляя вперед. Она всегда была человеком дела, а не слов. Так было много лет назад, так было и сейчас.

Много лет назад, когда Цин Гэ застала Цин Ланя за изучением некромантии, она, не колеблясь, воспользовалась печатью Шао цзюньхоу, чтобы обвинить его. Все было сделано за полдня, и когда Люйе Цинлань примчалась на место, приговор уже был вынесен.

— Ты была сильной, — Люйе Цинлань погладила Цин Гэ по голове, ее голос дрожал. — Ты была очень сильной, Гэ-эр.

В Империи Османов за практику некромантии полагалась мучительная казнь через порку, а тело оставляли на пять дней на солнце, чтобы некромант не мог творить зло даже после смерти. Это был путь изгоев, не требующий признания Первоисточка, но путь, залитый кровью в разы сильнее, чем у обычных магов.

В землях клана Цин стали пропадать люди, и Цин Гэ, начитанная девушка, первой заподозрила неладное. Кто-то практиковал некромантию. Она опередила его, казнив до того, как он стал настоящим некромантом, и, найдя предлог, избежала позора с осквернением тела, похоронив отца в родовой усыпальнице.

— Вместо того чтобы позволить ему стать изгоем, которого все будут проклинять... — Люйе Цинлань гладила надгробный камень, вздыхая. — Лучше уж мы сами возьмем на себя роль злодеев.

Спустя много дней Цин Гэ наконец ответила:

— Я думаю иначе, мать.

— А как ты думаешь?

— То, что сделал отец... это неправильно. Бродяги — тоже люди, простолюдины — тоже люди. Политические враги и старейшины, как бы они ни раздражали — тоже люди. Строить свое величие на костях других из-за личных прихотей — это ошибка.

<http://bllate.org/book/19150/1880629>